

Пять лет назад.

Филиал «Шуанцзян»¹.

Переоборудованный микроавтобус на бешеной скорости вылетел к входу и резко, со скрежетом, затормозил. Двое рослых крепких мужчин распахнули двери, выпрыгнули наружу и быстро вытащили из багажника человека на тёмно-красных носилках.

На нём была полицейская форма, насквозь пропитанная кровью. Всё тело, с головы до ног, было изрезано до живого мяса, покрыто перекрещивающимися ранами. В нескольких глубоких порезах белели кости. Пальцы были размозжены в кровавое месиво; исхудавшая, почти костлявая рука свисала с носилок, и всю дорогу с неё капала кровь. Дыхание у человека стало совсем слабым: грудь едва поднималась и опадала, словно могла остановиться в любую секунду.

Казалось, он вот-вот умрёт.

Мужчина с татуированными руками шёл впереди, неся носилки, и равнодушно хмыкнул:

— А легавый-то живучий. Его так отделали, а он всё ещё дышит?

Другой сказал:

— Кто знает. Но вряд ли долго протянет. Наверное, держится на последнем дыхании.

Татуированный мужчина сказал:

— Люди «Песчаного скорпиона» умеют бить жестоко. Кажется, даже тот самый до такого не доходил.

Другой чуть понизил голос, будто опасался чего-то:

— Тот самый... убивает так, что крови не видно.

Перед ними была неприметная маленькая железная дверь, ничем не отличавшаяся от ржавых дверей заброшенного склада. Но за ней неожиданно скрывался совсем иной мир: чем дальше они шли, тем просторнее становилось, а в самом конце помещение уже походило на роскошную золотую пещеру.

Двое внесли носилки в эту «золотую пещеру» и опустили их вместе с полицейским на пол.

По безупречно чистой белой плитке медленно расплзлось ярко-алое пятно.

Вскоре из дальнего конца коридора неторопливо вышли двое: мужчина средних лет и юноша. Начищенные до блеска чёрные кожаные туфли отбивали по полу размеренный, приятный слуху ритм.

Две пары туфель остановились рядом с носилками.

Мужчина средних лет слегка наклонил голову, оглядел лежащего и первым заговорил:

— Знаешь этого человека? Полицейский из уголовного отдела городского управления. Линь Цзайчуань.

Юноша лениво опустил взгляд. Длинные ресницы отбрасывали острые тени, холодные, как отблеск клинка, а голос прозвучал предельно небрежно:

— Угу. Слышал.

— Его прислали от «Песчаного скорпиона». — Мужчина средних лет сделал паузу; в его тоне скользнул намёк. — Сюань Чжун сказал: если удастся выяснить личность полицейского агента под позывным «Горлица», внедрённого в их организацию, этого легавого отдадут тебе поиграть.

— ...Горлица? Хорошее имя. — Юноша слегка улыбнулся и даже похвалил: — Символ красивой свободной птицы.

На вид юноше было лет семнадцать-восемнадцать. Стройный, с той особой подростковой хрупкостью, какая бывает только в этом возрасте. На нём была чёрная рубашка, расшитая тёмно-золотым узором. В его юном лице было что-то одновременно изысканное и мрачное, а в чёрных зрачках таилась опасность.

В таком возрасте ему полагалось быть старшеклассником — беззаботно носиться по спортивной площадке. Но холодный белый свет падал ему на лицо, и от этого его высокомерие и равнодушие казались особенно неуместными.

Хотя он явно улыбался.

Мужчина средних лет сказал с улыбкой:

— Линь Цзайчуань — крепкая кость. Мало того что он уложил у них больше десятка человек, так ещё и «Песчаный скорпион» допрашивал его по очереди целых тридцать шесть часов, но так и не смог разжать ему рот. Сюань Чжун, боюсь, совсем зашёл в тупик, вот и решил: пусть

наш прославленный Яньван² попробует.

Юноша ничего не ответил. Он подошёл, присел на корточки и двумя длинными тонкими пальцами приподнял Линь Цзайчуаня за подбородок. Белые кончики пальцев медленно скользнули вдоль линии его челюсти; движение было мягким — почти любовным.

Но взгляд у юноши оставался холодным, словно он разбирает точный металлический механизм. Он оглядел лицо Линь Цзайчуаня и сказал:

— Можно. Отнесите его в мою комнату.

Едва прозвучали эти слова, из тени позади бесшумно вышли двое. Они быстро подняли носилки с пола и последовали за юношей.

Синь Су открыл дверь комнаты и жестом велел положить полицейского на пол.

Один из вошедших наклонился и спросил:

— Яньван, позвать кого-нибудь, чтобы его осмотрели?

— Не нужно, — сказал Синь Су. — Принеси мне антисептик и бинты. И найди несколько фиксирующих шин.

Тот заметно удивился, но быстро взял себя в руки, кивнул и вышел из комнаты.

Глаза Линь Цзайчуаня закрывала чёрная повязка. Раны уже воспалились, всё тело горело сильным жаром. Из-за большой потери крови в ушах гремело, сердце бешено колотилось, а потом будто переставало справляться и постепенно слабело.

Смутно, словно издалека, до него доносились голоса — обрывистые, прерывающиеся, неясные. В них слышались высокомерие и надменность, будто ледяное эхо из ада.

В голове Линь Цзайчуаня с трудом всплывали обрывки мыслей.

...Кто говорит?

Где он?

Он уже покинул «Песчаного скорпиона»?

Когда закончились пытки?

Сквозь тупую, онемевшую боль он медленно, заторможенно подумал:

«...Я... скоро умру?»

Сознание Линь Цзайчуаня было мутным и никак не могло собраться воедино. Его словно душили холодные липкие паучьи нити; казалось, он дюйм за дюймом проваливается в смерть.

Кто-то поднял его на руки и положил на большую мягкую кровать.

Но сейчас любое движение превращалось для Линь Цзайчуаня в пытку. От боли он неконтролируемо дрожал всем телом, но не мог издать ни звука.

Синь Су сел у кровати, намочил полотенце и понемногу стёр кровь и грязь с лица Линь Цзайчуаня.

Лицо полицейского тоже было сильно изранено; черты почти невозможно было различить. Угадывалось лишь, что строение лица у него редкой красоты: прямой нос, чёткая линия нижней челюсти.

Должно быть, прежде у него были чистые, красивые черты.

Синь Су долго молча рассматривал его, затем поднёс трубочку к бескровным губам и мягко сказал:

— Замначальника Линь, выпейте немного воды.

Линь Цзайчуань лежал тихо, без малейшей реакции.

Во взгляде Синь Су, обращённом к его глазам, мелькнуло что-то неразличимое. Вдруг он улыбнулся, поднёс стакан к губам, набрал воды в рот, затем наклонился и прижался к губам Линь Цзайчуаня, почти нежно передавая ему воду тонкой струйкой.

Линь Цзайчуань почти два дня не пил ни капли. Измученное жаждой тело сглотнуло само. Вода тонкой линией скользнула по горлу, вызвав отчётливую, обжигающую боль.

Но сил нормально глотать уже не было. Линь Цзайчуань бессознательно закашлялся и выплюнул горячую кровь.

Кровь потекла из уголка губ, спустилась по шее и упала на белоснежную простыню,

распускаясь тёмно-красным цветком.

Синь Су одной рукой поддержал Линь Цзайчуаня за затылок и повернул его лицо в сторону, чтобы кровь вытекла наружу и не попала обратно в дыхательные пути.

Ран на теле Линь Цзайчуаня было слишком много; на нём почти не осталось живого места. Синь Су осмотрел его сверху донизу, слегка склонил голову набок, словно не зная, с чего начать. Немного подумав, он взял его руку и, опустив ресницы, принялся осматривать повреждённые пальцы.

Линь Цзайчуань никак не реагировал и позволял ему делать с собой что угодно.

С таким разрушенным телом уже одно то, что он всё ещё жив, было чудом. Другой на его месте, возможно, давно умер бы.

Синь Су тихо вздохнул.

— Кости пальцев сломаны. В будущем ты больше не сможешь держать пистолет. На теле тоже много необратимых повреждений; даже если выживешь, боюсь, полицейским тебе уже не быть.
— Синь Су наклонился ниже, почти касаясь губами его уха. Голос был лёгким, как шёпот возлюбленного: — Цзайчуань, тебе сейчас, наверное, очень больно. Я могу подарить тебе быструю смерть.

Голос и тон были очень мягкими, но Линь Цзайчуань инстинктивно почувствовал небывалую опасность. По привычке человека, годами сталкивавшегося с предельной угрозой, он слабо обхватил пальцами шею того, кто был перед ним.

Синь Су не сопротивлялся. Он позволил ему сжимать себе горло и, приоткрыв губы, тихо договорил последнюю фразу:

— Но если ты хочешь жить, я точно не дам тебе умереть.

Пять пальцев Линь Цзайчуаня лежали на тонкой шее Синь Су, но из-за чудовищной слабости силы в них почти не было, не говоря уже о какой-либо угрозе.

И это движение продлилось недолго. Рука Линь Цзайчуаня не выдержала, разжалась и упала на простыню, слегка дрожа от полного бессилия.

Мужчина, который только что выходил, вернулся с марлей, антисептиком и кое-какими медицинскими инструментами. Увидев отчётливое пятно крови на простыне, он сразу опустил взгляд, скрывая и почтение, и страх, и тихо сказал:

— Яньван, то, что вы просили.

Кроме обычных хирургических инструментов, на подносе лежали самые разные шприцы: анестетики, кровоостанавливающие, седативные, антисептические препараты, а также белковый раствор для поддержания сил.

Синь Су сидел у кровати и привычными движениями работал острыми холодными инструментами. В его пальцах то и дело вспыхивал холодный серебристый блеск металла.

К счастью, большинство ран Линь Цзайчуаня приходилось на кожу, мышцы и кости; внутренние органы не получили смертельных повреждений. Слишком длинные и глубокие раны Синь Су зашил и перевязал, сломанные кости временно зафиксировал шинами. А с более тщательным, полноценным обследованием и лечением придётся подождать, пока они выберутся отсюда.

Обработка ран Линь Цзайчуаня оказалась долгой и утомительно однообразной. На неё ушла почти вся ночь. Когда за окном просочился бледный утренний свет, Синь Су наконец устало поднялся и смыл с рук кровь в чистой воде.

Бледно-красные нити одна за другой расплывались по поверхности воды, открывая под собой холодные, белые, будто нефрит, пальцы.

Перед раковиной Синь Су медленно поднял голову и посмотрел на себя в зеркало. Чёрные глаза были холодны и ясны.

Спустя долгое время юноша в зеркале — мрачный, красивый — тихо пробормотал:

— Я могу помочь тебе только до этого момента.

В комнате была только одна кровать, а кроме неё — диван. Синь Су явно не собирался себе отказывать и спать на диване. Он задёрнул шторы, переоделся в пижаму, лёг рядом с Линь Цзайчуанем и устало закрыл глаза.

Проснулся он уже после одиннадцати утра. Синь Су сел на кровати и повернул голову к человеку рядом.

Линь Цзайчуань был ранен и потерял слишком много крови. Ему подряд перелили три пакета плазмы, и только тогда состояние стабилизировалось. Синь Су сделал ему ещё две питательные инъекции, поставил капельницу с физраствором — только так ему удавалось едва-едва удерживать в нём жизнь.

Выглядел Линь Цзайчуань всё ещё очень плохо. Губы слегка потрескались, дыхание было медленным и слабым.

Синь Су наклонился и легко коснулся лбом его лба. Жар всё ещё держался, но по сравнению с тем, в каком состоянии его привезли прошлой ночью, стало гораздо лучше.

Синь Су снова напоил его водой. На этот раз Линь Цзайчуань не выплюнул её, а медленно проглотил всё.

Увидев, что его губы чуть увлажнились и стали бледно-розовыми, Синь Су наконец улыбнулся.

За обеденным столом мужчина средних лет небрежно спросил:

— Есть новости от того легавого?

Синь Су пожал плечами:

— За один день я едва успел обработать ему раны. Ещё не спрашивал.

Мужчина средних лет неторопливо резал стейк; он говорил с улыбкой в голосе:

— Попади легавый в руки нашим братьям, они бы не успокоились, пока не содрали с него шкуру и не довели до состояния, когда жить хуже смерти. А ты никогда не любил весь этот набор с кровью и насилием.

— Если бы пытки тела работали, «Песчаный скорпион» не прислал бы его ко мне. — Синь Су чуть откинулся назад и спокойно сказал: — Для человека с такой твёрдой волей сладкий сон куда лучше ослабляет защиту. Разве нет?

Мужчина средних лет оставил это без ответа и снова спросил:

— Я слышал, тебе этот легавый очень приглянулся. Даже врачу не дал его тронуть, сам ухаживал за ним полночи?

Синь Су повернул голову. В глазах у него дрогнула тонкая улыбка:

— Дядя, мои вкусы всегда были особенными. Вы должны знать.

Несколько лет назад один молодой полицейский «спас» Синь Су. После этого у него появился невыразимый особый интерес к людям в полицейской форме. В такой организации, как «Шуанцзян», никогда не было недостатка в «агентах», которые сами лезли в сеть, — и почти всех этих агентов в конце концов передавали Синь Су.

Больше они в этом мире не появлялись.

— Не то, — мужчина средних лет затянулся сигаретой и прищурился. — Линь Цзайчуань — единственный связной «Горлицы». За эти годы он немало мешал «Песчаному скорпиону», Сюань Чжун ненавидит его до костей. Даже если у Линь Цзайчуаня останется один последний вздох, он не даст ему умереть спокойно.

— Сюань Чжун сказал: если из Линь Цзайчуаня не вытянут личность «Горлицы», через два дня его нужно вернуть «Песчаному скорпиону» — живым или мёртвым.

При этих словах черты Синь Су стали холодными и мрачными. Половина лица оказалась в тени дневного света, а взгляд стал таким тёмным, что по спине шёл холод.

Спустя какое-то время он рассмеялся. Голос был ленивым:

— Тогда посмотрим, хватит ли у них способностей забрать человека из моих рук.

Мужчина средних лет взглянул на него и тоже улыбнулся — с оттенком потакания:

— Если он тебе правда нравится, оставить его не то чтобы нельзя. Но Линь Цзайчуань отличается от других уголовников. Лучше сначала лишить его языка.

Синь Су кивнул:

— Когда он проснётся, я сам это сделаю.

Оба говорили легко, будто речь шла о чём-то совершенно будничном. И оба улыбались одинаково спокойно.

После обеда Синь Су вернулся в комнату.

Тело Линь Цзайчуаня было укрыто тонким одеялом; оно почти не приподнимало ткань. На фоне чёрной повязки на глазах лицо казалось пугающе бледным. Надбровные дуги выступали, глазницы были глубокими, и от этого он выглядел особенно слабым. После нескольких дней без еды почти иссушенная резкость черт проступала ещё отчётливее.

Синь Су смотрел на него в таком состоянии с видом человека, которому всё это доставляло немало хлопот. Он не удержался и нажал пальцами на переносицу.

Полночь.

Дыхание Линь Цзайчуаня внезапно участилось. На лбу выступил мелкий холодный пот, тело непроизвольно слегка дёргалось, лицо приобрело мёртвенно-серый оттенок.

Синь Су почти мгновенно открыл глаза, поднялся и включил свет. Разглядев его состояние, он достал из холодильного шкафа анестетик, сильное обезболивающее и противовоспалительное, затем один за другим ввёл препараты.

Линь Цзайчуаню, похоже, было больно до предела: всё его тело бесконтрольно дрожало.

— Всё ещё очень больно? — Рука Синь Су легко легла ему на плечо, голос у самого уха стал низким: — Продержись ещё один день. Твоя семья, коллеги и друзья ждут, когда ты вернёшься.

Линь Цзайчуань слышал, что кто-то говорит с ним, но голос расплывался, будто доносился из-под воды; разобрать слова было невозможно.

«...»

Перед глазами стояла сплошная тьма. Линь Цзайчуаню казалось, что он погружается в бездонное глубокое море, всё ниже и ниже уходит под воду. Конечности отяжелели, будто увязли в болоте. Постепенно боль, от которой жизнь становилась хуже смерти, медленно отступала, а сознание, за которое он никак не мог ухватиться, понемногу ускользало.

Линь Цзайчуань увидел коллег, погибших в этой операции. Они шли рядом, знакомые спины становились всё дальше и дальше, и никто из них не оборачивался. Линь Цзайчуань растерянно поднял ногу и инстинктивно пошёл за ними.

И в этот момент в его мире прозвучал голос — будто хотел его остановить:

— Цзайчуань, ты должен держаться. Ты обязан проснуться.

— ...Ещё много зла ждёт, когда ты его искоренишь. Ещё многим погибшим товарищам нужен покой.

— Погибшие коллеги всё ещё смотрят на тебя. Ты должен нести их желания и идти дальше.

«Но... правда так больно», — в тумане подумал Линь Цзайчуань.

Болело везде. Он уже не мог держаться.

Голос снова сказал:

— Всё станет хорошо. Я обещаю. Очень скоро всё станет хорошо.

Станет... хорошо?

Ресницы Линь Цзайчуаня дрогнули, и он действительно открыл глаза.

Хотя перед глазами он почти ничего не видел — только мутное пятно света и тени.

Сознание провалилось в странное туманное состояние. Казалось, рядом был человек, который заботился о нём до мельчайших деталей, говорил ему на ухо, что он обязательно должен держаться, обязательно должен проснуться.

А потом этот голос снова прозвучал у самого уха. Такой мягкий, что человек не успевал насторожиться; ещё легче, ещё нежнее:

— Цзайчуань, скажи мне, кто такой Горлица?

Линь Цзайчуань не мог отреагировать. Его чёрные глаза растерянно и пусто моргнули, зрачки почти полностью расфокусировались. Он бессознательно пробормотал одно имя.

На самом деле он не издал ни звука — только губы едва-едва сомкнулись и разомкнулись.

Выражение Синь Су на миг замерло. Потом он спокойно сказал:

— Ты очень устал. Поспи ещё немного.

— Когда проснёшься, всё станет хорошо.

Слова Синь Су будто несли странную силу заклинания, перед которой трудно было сопротивляться. Сознание Линь Цзайчуаня постепенно погрузилось во тьму, и он крепко уснул.

Когда он снова очнулся, место под ним словно изменилось: мягкая удобная кровать превратилась в твёрдый холодный пол. До ушей доносился прерывистый шум — кто-то разговаривал.

В зале люди, присланные «Песчаным скорпионом», разглядывали тело Линь Цзайчуаня. Увидев обмотанные вокруг него белоснежные бинты, один из них заговорил с ядовитой насмешкой:

— Наш господин Сюань слышал, что методы Яньвана внушают ужас уже от одного упоминания, поэтому специально прислал человека на выучку. Но что-то я смотрю — у этого легавого лицо всё лучше и лучше. Кто знает — решит, что это допрос с пытками, а кто не знает — подумает, будто вы тут господину прислуживаете.

— Ну что, Яньван, вытащил из него что-нибудь?

Синь Су с безразличным выражением сидел на диване, держа в руках стакан тёплого бабл-ти. Он опустил голову и играл трубочкой, будто совсем не слышал, что они говорят.

Люди «Песчаного скорпиона» всегда не ладили с Синь Су. Один из них вызывающе взглянул на него:

— А я смотрю, способности Яньвана тоже не более того. Всего лишь легавый, а за три дня так и не смог разжать ему рот?

— Господин Сюань сказал: этого легавого мы забираем обратно. Нужен человек — живой или мёртвый.

Только тогда Синь Су поднял глаза и слегка улыбнулся. Его тон был неторопливым:

— Личность Горлицы я уже знаю. Если Сюань Чжун хочет узнать, кто это, пусть сам придёт и обсудит со мной условия. Что до этого человека — он мой. Вам лучше держаться от него подальше.

Едва Синь Су договорил, послышался тонкий свист рассечённого воздуха. У человека, стоявшего ближе всех к Линь Цзайчуаню, вдруг похолодело у ног: нож прилетел точно в цель, прошил носок ботинка и вонзился в пол. Ещё на дюйм глубже — и задел бы мясо.

Холодный пот мгновенно выступил у того человека. Он застыл на месте, не смея шевельнуться.

Ресницы Линь Цзайчуаня под чёрной повязкой дрогнули.

Этот голос...

За это время он слышал его много раз. Это была мягкая низкая речь юноши, красивый глубокий тембр, с особой притягательностью и завораживающей силой.

Когда Линь Цзайчуань думал, что его уже поглотила смерть, именно этот голос вытащил его с края, где жизнь висела на тонкой нити.

Однако...

Этот же голос, словно наваждение, склонялся к его уху и заставлял открыть рот:

«Кто такой Горлица?»

В этот миг кровь во всём теле Линь Цзайчуаня резко похолодела, а воспоминания бешеным приливом хлынули в голову.

Он слышал имя этого человека.

«Яньван».

Он... человек из организации «Шуанцзян», которая по жестокости не уступала «Песчаному скорпиону», а то и превосходила его.

Это была не рука, вытащившая его из темноты, а ядовитая змея, давно всё рассчитавшая и заранее нацелившаяся в человеческое сердце.

Линь Цзайчуань не успел никак отреагировать, как со всех сторон вдруг донёсся смутный вой полицейских сирен. Потом кто-то в панике ворвался, распахнув дверь:

— Беда! Быстро через задний выход! Нас окружили легавые! Снаружи, блядь, одни полицейские машины!

Эти слова ударили как гром среди ясного неба. Лица всех в комнате мгновенно изменились. Все разом повернулись и бросились к задней двери. Каждый думал только о собственном спасении. О полицейском, в котором едва теплилась жизнь, уже никто не вспоминал.

А позади них...

Пальцы Линь Цзайчуаня, лежавшего на полу, едва шевельнулись и коснулись пистолета, неизвестно кем оставленного рядом. Одно это крошечное движение было для него почти невыносимым; каждое нервное окончание, связанное с пальцами, отзывалось разрывающей болью, а в ушах без конца взрывался металлический звон.

Во рту стоял горячий привкус крови. Всё тело кричало от боли, которую невозможно было терпеть.

Линь Цзайчуань не мог быть уверен, сказал ли он имя Тинлань. Его сознание до сих пор нельзя было назвать ясным. Но в любом случае личность Горлицы ни за что, ни за что нельзя было дать узнать никому...!

Линь Цзайчуань стиснул зубы, жевательные мышцы судорожно дрожали. Тяжело, резко дыша, он сорвал повязку с глаз, открыл налитые кровью глаза и последней крупницей сил с трудом поднял ствол, прицелился в удаляющуюся спину и нажал на спуск.

Бах!

¹ «Шуанцзян» — буквально «Выпадение инея»; один из двадцати четырёх сезонов китайского календаря.

² Яньван — владыка подземного суда в китайской традиции.

<http://bllate.org/book/17934/1724235>